

То, ЧЕГО ПУБЛИКА НЕ ЗНАЕТ

О ШАЛЯПИНЕ

НАЧАЛО СМОТРИ «ЗРЕЛИЩА» № 66.

Почему гимн был потребован публикой, и был-ли потребован именно публикой, для меня так и осталось не совсем выясненным. Подстроили-ли это сами хористы, поручив крикнуть «гимн» кому либо из своих знакомых? Было-ли это устроено дворцовым комендантом генерал-адъютантом Дедюлиным, который был большой любитель устраивать подобные манифестации при помощи чинов охраны? Сказать трудно:—в тот вечер не было никакой причины исполнять гимн, ибо спектакль был обыкновенный и происходил в обыкновенный день.

— «Начинается» — подумал я, когда единичные возгласы с требованием гимна стали подхватываться публикой.

В виду отсутствия оркестрантов на местах гимн не мог быть немедленно исполнен. Вдруг неожиданно за спущенным занавесом, при неутраченном говоре зрительного зала, хор начал петь гимн «а сарелла», без оркестра. Исполнение гимна без оркестра, а главное—при спущенном занавесе—никогда не практиковалось в театре.

— «Начинается»! думал я.

Когда артисты, уже разошедшиеся по уборным, узнали об исполнении гимна хором, они тоже стали выходить на сцену, ибо по обычаям и правилам театра при пении гимна должны выходить на сцену и принимать участие в пении все артисты - солисты, хотя бы они были в это время и не в костюме.

Когда занавес, из-за которого раздавалось пение гимна,—взвился, весь хор опустился на колени, обернувшись лицом к царской ложе. Ближе всего к царской ложе стояла на коленях артистка Е. И. Збруева.

Услышав, что поют гимн, на сцену вышел и Ф. И. Шаляпин. Он вошел в дверь «терема» (оставалась декорация III акта) и его высокая фигура казалась еще выше наряду с коленопреклоненной толпой.

Увидев хор на коленях, Шаляпин стал пятиться назад, но хористы дверь из терема ему загородили. Шаляпин посмотрел в направлении моей ложи, будто спрашивая, что ему делать. Я указал ему кивком головы, что он сам видит, что происходит на сцене.

Как-бы Шаляпин ни поступил—во всяком случае он остался-бы виноват. Если он стоит на колени—зачем встал?! Если не ста-

нет—зачем он один остался стоять?! Продолжать стоять, когда все опустились на колени—это было бы объяснено как демонстрация. Шаляпин опустился на колени.

Стоящие в переднем ряду хористы и хористки со слезами на глазах и очень взволнованные пропели три раза гимн без оркестра. В это время постепенно стал собираться и оркестр. Прибежал и капельмейстер А. К. Коутс, подхватил пение хора, который к этому времени стал уже немного понижать, и гимн был повторен еще трижды с оркестром.

Публика, вообще довольная спектаклем, была заинтересована и этой, на вид патриотической, манифестацией. На самом-же деле хор имел подготовленное прошение на высочайшее имя, в котором излагал свои нужды и жаловался на дирекцию все потому-же вопросу о пенсиях. Хор рассчитывал, что после подобной демонстрации государь вышлет к ним кого-нибудь из великих князей или дежурного флигель-адъютанта, чтобы благодарить их за искреннее выражение верноподданнических чувств, а они тут-же передадут для вручения государю прошение.

Мое-же положение было самое глупое. Я должен был делать вид, что вся эта демонстрация, сделанная хором лично против меня—мне, как и всем,—также очень нравится и я вполне ценю и одобряю преданность хора царю, преданность, столь необычно только-что выраженную самими хористами. Еще глупее оказалось мое положение, когда я прошел в царскую ложу, чтобы, как это полагалось, просить разрешения на дальнейшее продолжение спектакля. В царской ложе господствовало самое радужное и довольное настроение. Пили чай и обсуждали впечатление грандиозной, неожиданной и необычной патриотической демонстрации.

Государь, обратившись ко мне, сказал:

«Пожалуйста поблагодарите от меня артистов и, особенно, хор. Они прямо меня тронули выражением чувств и преданности!»

Положение, мое становилось все глупее и глупее. Объяснить истинное положение дела и причину этой демонстрации было в настоящую минуту совершенно невозможно. На приказание, отданное мне государем, я промолчал. Я был занят мыслью, как обойти приказание

государя—сердечно благодарить от его имени хор. Изображать из себя рыжего в цирке, который помогает закатывать ковер, и, благодаря хору, представлять из себя администратора, не понимающего в чем дело—было и глупо и наивно. С другой стороны невозможно было не исполнить высочайшего повеления, тем более, что я был убежден, что перед отъездом государь меня спросит, передал-ли я хору его благодарность.

Вместе с тем, передавая благодарность монарха, я мог ожидать со стороны хора еще большего под'ема патриотических чувств. Они могли-бы опять повторить гимн и опять бух на колени, и, таким образом, добиться подачи своего прошения.

Я пошел посоветоваться с министром двора. Министр нашел все мои доводы правильными, но просил не разочаровывать царскую ложу в приятном для ее впечатлении патриотической демонстрации.

Я прошел к себе в ложу, вызвал Тартакова и сказал ему, чтобы по окончании спектакля он собрал-бы хор и передал-бы им, что царь приказал благодарить за прекрасное исполнение оперы и гимна. От меня же я поручил передать хору, что я остался им очень недоволен за то, что они начали петь гимн, не дождавшись оркестра, вследствие чего, несмотря на прекрасный состав и опытность, все-же понижали, а затем почему-то пели на коленях.

Перед отъездом государь сказал мне, что давно не видал столь выдающегося спектакля и спросил, благодарил ли я хор от его имени. Я ответил, что высочайшая благодарность будет передана хору немедленно.

Так окончился этот знаменитый спектакль, возбуждавший массу разговоров, толков, обсуждений *).

Главным об'ектом всех разговоров явился Шаляпин. Никакая «шаляпинская история» не получила такой, можно сказать, всемирной известности, как история 6 января 1911 года.

Говорилось и писалось об этом очень долго и чем больше писалось, тем больше суть дела запутывалась. Ни один рассказ, ни одна газетная статья не передали этого факта таким, каким он был на самом деле. Даже сам Шаляпин, замученный и затравленный в конец, волнуясь и желая оправдаться о том, в чем совсем и не был виноват, рассказывал представителям печати разных стран этот инцидент так, что опуская одни детали, перепутывая другие, сам же давал повод к дальнейшим нападкам на

*) Впоследствии хор все же сумел подать царю злополучное прошение о пенсии, но касаться этого не буду, т. к. это уже выходит из рамок настоящей заметки.

себя. Произошло это потому, что никто не знал всей подкладки этого факта. С другой стороны часть прессы демонстрацию 6 января описала, как особую патриотическую демонстрацию.

Мне-же, знавшему настоящее положение этого дела, по моему положению директора театров, писать в газетах не полагалось.

В происшедшей истории искали особого смысла, старались уяснить, кто такой Шаляпин, к каким политическим убеждениям он принадлежит. По этому, совершенно неверно переданному факту стали строить самые точные представления о Шаляпине, как об артисте и человеке. Но из всей артистической и частной жизни Шаляпина был взят самый фальшивый, самый случайный факт, в котором Шаляпин менее всего был свободным действующим лицом.

Все на этом спектакле было фальшиво. И патриотизм хора, и его манифестация, и под'ем публики, и слезы хористов, и радость охранников, и самая торжественность спектакля, и коленопреклонение Шаляпина, и даже самый успех постановки «Бориса Годунова». Но все были заняты не тем, что было, а тем, что каждому показалось, и это «показалось» было принято за «действительность».

Хор дал первый толчок, а потому уж на этой почве все—и артисты, и публика, и царская ложа, и пресса—доделали все остальное по своему, приняв ложь и фальшь за действительность. Каждый прибавлял еще от себя то, что ему казалось. Враги Шаляпина указывали только на один факт:—до чего дошел Шаляпин! Он один среди сцены стал перед царской ложей на колени и запел гимн! И этот самый Шаляпин, который в 1905 году тоже один, но стоя, пел среди полного зала «Метрополя» «Дубинушку»! Всем даже казалось, что в Метрополе Шаляпину надо было петь гимн, а в Мариинском Театре спеть «Дубинушку»—вот тогда он был-бы действительно героем!

Но я думаю, что при таком его поведении в Метрополе его бы побили, а в Мариинском, в лучшем случае, оказывая ему снисхождение, как выдающемуся артисту и солисту его величества,—посадили-бы в сумашедший дом!

Если же весь инцидент взять отдельно, вне спектакля и окружающей обстановки как это сделали враги и недоброжелатели Шаляпина то получится совершенно иная картина!

Шаляпин имеет не мало недостатков и промахов, за которые его критиковали и будут критиковать не только враги, но и друзья, и потому прибавлять к ним еще промахи других несправедливо. Довольно каждому отвечать за свои собственные грехи!

В. ТЕЛЯКОВСКИЙ.